
РОССИЯ
Жена генерала
БОЛЬШЕ НЕ ЖДЁТ
ОЛЬГА ГЛИНСКАЯ

Ольга Глинская

Жена генерала больше не ждёт

https://litres.ru/74714259
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты опять задержишься? — Я улыбнулась мужу, поправляя ему воротник.

— Ты же генерал. Родина без тебя не справится.

Он даже не посмотрел на меня.

— Не жди, Света. Ложись спать.

Двадцать два года я была его тылом.

Переезды. Гарнизоны. Бессонные ночи. Дом. Дочь. Всё ради мужчины, которого любила больше жизни.

А потом я сама пригласила в свой дом дочь лучшей подруги...

И даже не заметила, как молодая красавица начала охоту на моего мужа.

Когда правда всплыла, Виктор сказал всего одну фразу:

— Света... Я ошибся.

Ошибся?

Нет.

Он предал меня. Предал нашу дочь. Предал двадцать два года нашей жизни.

Но пока любовница праздновала победу, рядом оказался мужчина, который все эти годы молча наблюдал, как я растворяюсь в чужой жизни.

— Второй раз ты её не сломаешь, — сказал Андрей моему мужу.

И впервые за много лет кто-то решил бороться не за себя.

За меня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	49
Г	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Жена генерала больше не ждёт

Глава 1

Я всегда считала себя женщиной умной.

Не гениальной, конечно. Не той, что с одного взгляда понимает курс доллара, характер собеседника и состав крема по этикетке на китайском. Но достаточно умной, чтобы не тащить в свой дом беду собственными руками.

Как выяснилось позже, с самооценкой у меня тогда было лучше, чем с интуицией.

В тот вторник я мучительно делала выпады в фитнес-клубе, проклинала тренера, коврик, свои колени и Олесю Морозову, которая три месяца назад заявила, что мне срочно надо «вернуть тело в оборот».

– В какой ещё оборот? – спросила я тогда. – Я не купюра.

– Вот именно, – сказала Олеся. – Купюры хотя бы передают из рук в руки, а ты засела в своём генеральском доме и приросла к кофемашине.

– Так уж и приросла?

– Свет, ты вчера сказала, что знаешь настроение мужа по звуку, с которым он кидает ключи на тумбу. Это уже не брак, это военная разведка.

С этим спорить было трудно.

Так я оказалась на фитнесе. Сначала ходила через силу, потом втянулась. Не в тренировки, нет. К мучениям добровольно привыкают только святые и женщины перед отпуском. Я втянулась в кофе после занятий. Мы с Олесей садились в маленьком кафе при клубе, заказывали что-нибудь без сахара, а потом обязательно брали десерт. Чтобы организм не расслаблялся от слишком здоровой жизни.

– Света, ниже! – крикнула тренерша. – Спина ровная!

– У меня и так всю жизнь она ровная, – процедила я. – Хоть где-то можно согнуться?

Олеся рядом прыснула.

– Не смеши меня. Я с гантелями, это опасно.

– Тогда я уроню их на тренера и скажу, что это был несчастный случай.

– Ты жена генерала, а мыслишь как уголовница.

– Двадцать два года брака с военным кого хочешь испортят.

Тренерша хлопнула в ладоши и бодро объявила:

– Девочки, ещё один круг!

Олеся тихо застонала.

– Я её сейчас укушу.

– В очередь. За мной будешь.

К концу тренировки я была уверена, что ноги у меня теперь существуют отдельно от тела, по которому проехался танк. Мы переоделись, привели лица в более-менее челове-

ческий вид и, как честные женщины, пошли компенсировать страдания кофе.

Олеся взяла капучино и чизкейк. Я – американо и маленький эклер.

– Маленький не считается, – сообщила я, заметив её взгляд.

– Конечно. Если съесть быстро, калории не успеют испугаться и закрепиться в боках.

Я рассмеялась. С Олесей вообще было легко. Она появилась в моей жизни недавно, но быстро заняла там место, как человек, который умеет разговаривать не про регламент, не про службу мужа и не про то, как трудно быть женой важного мужчины. Олеся была разведена, ярко красилась, громко смеялась и могла одним предложением снести любую скучную пафосность.

– Алиска возвращается, – вдруг сказала она, ковыряя вилкой чизкейк.

– Дочка?

– Ага. Из Москвы. Моя звезда, моя головная боль и причина того, что я знаю все успокоительные в аптеке.

– Что случилось?

– Да ничего страшного. Устала она там. Говорит, город жрёт людей быстрее, чем они успевают платить за аренду. Здесь ей место на телевидении предложили. Ведущая, редактор, что-то такое умное. Я в этих должностях путаюсь.

Олеся достала телефон и начала листать фотографии. Я

наклонилась ближе.

С экрана смотрела девушка лет двадцати трёх. Тёмные гладкие волосы, тонкое лицо, яркие глаза, красивая линия губ. Не милая. Не нежная. Именно красивая. Такая красота не просит внимания, она его забирает. Взгляд у Алисы был прямой, уверенный, почти вызывающий. Будто она заранее знала, что понравилась, и уже устала от чужого восхищения.

– Эффектная, – сказала я.

Олеся тут же расцвела.

– Правда? Вся в меня.

– Конечно.

– Что «конечно»? Ты так сказала, будто сомневаешься.

– Нет, не сомневаюсь. Просто Алиса явно умеет фотографироваться.

– Она всё умеет, Свет. Английский, камера, переговоры. Мужики за ней в Москве табунами бегали.

– Ты так говоришь, будто это достижение.

– А что? В наше время удержать мужское внимание сложнее, чем ипотеку закрыть.

Я улыбнулась, но фраза почему-то слегка зацепила. Не больно, нет. Просто как ногтем по стеклу.

– Приводи её к нам в гости, – сказала я. – Познакомимся. Витя любит молодых людей с амбициями. Особенно если они не жалуются, а чего-то добиваются.

Олеся поставила чашку так резко, что кофе едва не плеснул через край.

– Правда?

– Конечно. Приходите в пятницу. Просто поужинаем. Без официоза.

– Свет, ты лучшая!

– Я знаю.

– Нет, правда. Алисе нужно хорошее окружение. А у вас дома... ну... всё правильно. По-настоящему. Семья, уважение, стабильность.

Стабильность.

Я тогда не ответила сразу. Очень удобное слово. Под ним можно спрятать всё что угодно: усталость, привычку, молчание, одиночество в большом доме. Но вслух я сказала только:

– Тогда в семь.

Я ещё не знала, что в эту минуту сама назначила время, когда в мой дом войдёт женщина, которая потом разрушит всё, что я считала прочным.

Глава 2

Пятницу я любила больше прочих будних дней. Не из-за гостей. Просто Виктор обещал вернуться пораньше, Валерия должна была быть дома, а мне хотелось обычного семейного вечера, без скучных сослуживцев, без чужих жён, которые смотрят на мой фарфор оценивающе.

Я готовила сама. Не потому что у нас не было помощницы. Была. Но близких людей я любила кормить собственными руками. Глупость, наверное. В этом было что-то старомодное и очень моё.

К шести вечера на кухню зашла Валерия. Волосы собраны в небрежный пучок, чёрная футболка, на лице выражение человека, который уже всё понял о жизни и теперь терпит нас с отцом из жалости.

– У нас гости? – спросила она.

– Олеся с дочерью.

– Та тётенька, с фитнеса?

– Да.

– А дочка зачем?

Я обернулась.

– Лера.

– Что? Нормальный вопрос.

– Нормальные люди знакомятся семьями.

– Нормальные люди иногда сидят дома без посторонних

девушек.

Я вздохнула, но улыбнулась. Лера в последнее время стала колкой, как швейная иголка, которую забыли в диване. Ей было восемнадцать. С одной стороны – почти взрослая. С другой – всё ещё мой ребёнок, который мог ночью прийти на кухню за какао и заявить, что взрослая жизнь переоценена.

– Помоги мне лучше, – сказала я и протянула ей тарелки.

– Это эксплуатация ребёнка.

– Это помощь матери.

– Манипуляция любовью.

– Сработало?

Она взяла тарелки.

– Всегда срабатывает. Ты опасная женщина, мама.

– Запомни и бойся.

В прихожей хлопнула дверь.

– Я дома, – раздался голос Вити.

Тело отреагировало раньше головы. Я вытерла руки полотенцем, поправила волосы и вышла встречать мужа. Да, спустя двадцать два года брака я всё ещё поправляла волосы перед тем, как он видел меня после службы. Иногда сама над собой смеялась. Иногда нет.

Витя стоял у зеркала и снимал часы. Высокий, широкоплечий, подтянутый. В сорок пять он выглядел так, что женщины на приёмах иногда забывали, с кем пришли. Генерал армии. Властный, красивый, тяжёлый мужчина с лицом, на котором редко задерживалось что-то лишнее. Когда-то он

был худым лейтенантом с усталыми глазами и единственным костюмом на все праздники. Я любила и того, и этого. Просто иногда не могла понять, когда один окончательно стал другим.

– Устал? – спросила я.

Он наклонился и поцеловал меня в щёку.

– Нормально.

Обычный ответ. «Нормально» у Виктора могло означать что угодно: от «день прошёл терпимо» до «я мысленно уничтожил половину штаба».

– Гости скоро.

– Кто?

– Олеся и её дочь Алиса. Я говорила.

– Угу.

Никакого интереса. Просто информация принята. Потом я много раз вспоминала это равнодушное «угу» и думала, что, наверное, так и начинаются самые страшные истории. Не с грома. Не с предчувствия. С обычного мужского «угу».

Олеся приехала шумно. Ввалившись в дом с пакетами, духами, смехом и фразой:

– Света, я принесла торт. Не спрашивай, сколько стоит, потому что я сама ещё не отошла от шока.

За ней вошла Алиса.

В жизни она оказалась ещё ярче, чем на фотографии. На ней было простое тёмное платье, не слишком короткое, не вызывающее, но сидело оно так, что сразу становилось яс-

но: девушка прекрасно знает, какое у неё тело. Волосы убраны за уши, макияж спокойный, улыбка вежливая. Никакой вульгарности. Никакого очевидного флирта. И всё равно от неё будто шло тихое, уверенное: «смотрите».

– Здравствуйте, Светлана Юрьевна, – сказала она. – Мама столько о вас рассказывала, что мне кажется, я уже у вас была.

– Тогда проходи как своя, – улыбнулась я.

– Опасная фраза, – пробормотала Валерия у меня за спиной.

Я повернула голову.

– Лера.

– Что? Я просто предупреждаю.

Алиса посмотрела на мою дочь. Улыбнулась мягко, даже дружелюбно.

– Валерия?

– Да.

– Алиса.

– Я поняла.

Пауза была короткой. Почти незаметной. Но я её почувствовала. Две молодые женщины посмотрели друг на друга так, будто за секунду успели решить: дружбы не будет.

– Девочки, ну чего вы как на кастинге? – засмеялась Олеся. – Свет, где руки помыть?

Я повела Олесю в гостевой санузел, а когда вернулась, Витя уже спускался по лестнице. Переоделся в тёмную рубаш-

ку, без формы, но всё равно выглядел так, будто командует помещением одним присутствием. Алиса стояла в холле и смотрела на него.

Вот именно смотрела.

Не случайно. Не как гостья на хозяина дома. Внимательно, оценивающе. Будто быстро примеряла его к себе.

– Виктор Сергеевич, – сказала я, подходя ближе. – Это Алиса, дочь Олеси.

– Очень приятно, – сказал он.

– Мне тоже, – ответила она. – Мама столько о вас рассказывала.

– Надеюсь, хорошее?

– Хорошее, но жутко скучное, – сказала Алиса и улыбнулась. – Про должность, уважение и то, какой вы серьёзный. А мне кажется, про вас есть истории интереснее.

Олеся ахнула.

– Алиса!

– Мам, я просто поинтересовалась.

Витя чуть приподнял бровь. На секунду в его глазах мелькнул интерес. Не мужской. Пока нет. Просто интерес мужчины, которому понравилось, что с ним не сюсюкают и не боятся его звания.

Я тогда не придала этому значения, а стоило бы.

Глава 3

Ужин прошёл легко. Олеся рассказывала смешные истории с фитнеса. Валерия отпускала сухие комментарии. Алиса смеялась в нужных местах, задавала вопросы, слушала так, что любой человек рядом с ней начинал чувствовать себя умнее и значительнее.

Особенно Витя.

Сначала он отвечал ей коротко. Потом развернулся всем корпусом. Потом начал рассказывать про первое назначение, про гарнизон, про какую-то проверку, где молодой лейтенант Любимов чуть не сорвал голос, доказывая правоту начальству.

Я слушала и вдруг поймала себя на странной мысли: со мной он давно так не разговаривал. Не потому что я не спрашивала. Спрашивала. Просто мне доставались короткие ответы. «Нормально». «Устал». «Потом». «Не сейчас».

А Алисе доставались истории.

– Вы правда тогда не испугались? – спросила она, опершись подбородком на руку.

– Испугался, – сказал Витя. – Просто не показал.

– Это сильнее, чем не бояться.

Он усмехнулся.

– Вы преувеличиваете.

– Ничуть.

Валерия резко поставила стакан.

Я вздрогнула.

– Лер?

– Всё нормально.

– Точно?

– Абсолютно.

Голос у неё был такой, что нормального там не было ничего.

После ужина я вышла на кухню за чайником. Лера появилась рядом почти сразу, как тень в плохом фильме.

– Мам.

– Что?

– Она мне не нравится.

Я вздохнула.

– Лера, ты знаешь её три часа.

– Мне хватило двадцати минут.

– Почему?

– Она клеет папу.

Я едва не рассмеялась.

– Господи. Она просто общительная.

– Мам, не надо.

– Что не надо?

– Делать вид, что ты не видишь.

Меня это задело сильнее, чем должно было.

– Я правда не вижу того, что видишь ты.

– Потому что не хочешь.

– Валерия.

Она помолчала, потом сказала тише:

– Ладно. Потом не говори, что я не предупреждала.

И ушла.

Я осталась у плиты с чайником в руках и неприятным осадком внутри. Из столовой донёсся смех Алисы. Низкий, красивый. Витя что-то ответил, Олеся тоже засмеялась. Обычный вечер. Обычный дом. Обычные гости.

Я решила не обращать внимания.

Когда гости уходили, Алиса задержалась в прихожей возле зеркала. Поправляла серьгу. Виктор как раз принёс Олесе пальто. Алиса посмотрела на него через отражение и улыбнулась.

Очень быстро, тонко, едва заметно.

Потом приехал Андрей.

Сразу же после их ухода. Они едва не столкнулись в дверях. Он позвонил в дверь, вошёл с пакетом яблок и привычным спокойствием человека, который не спрашивает, нужен ли он, а просто появляется, когда считает правильным.

– Власов, ты вовремя, – сказала я. – Тебе чай или полноценный ужин?

– Сначала чай. Потом посмотрим.

Андрей Власов был военным врачом, старым другом нашей семьи и, наверное, единственным человеком, который мог сказать Вите неприятную правду и не получить ледяное молчание в ответ. Высокий, крепкий, с тяжёлым взглядом и

руками хирурга – сильными, точными, спокойными. В нём не было Витиного генеральского блеска. Андрей был грубее, проще, брутальнее. Из тех мужчин, которые не обещают горы, а молча оттаскивают тебя от обрыва, если ты туда идёшь.

Он сел на кухне, взял чашку, осмотрел меня внимательнее обычного.

– Что-то произошло?

– Ничего.

– У тебя такое лицо, как будто ты задумала гадость.

– Андрей, не выдумывай.

– Что за девочка?

Я нахмурилась.

– Какая девочка?

– Красивая. Тёмненькая. Уехала вместе с Олесей на такси. Я как раз подъехал, когда они садились в машину.

– Алиса. Дочь Олеси.

Андрей кивнул.

– Не нравится она мне.

Я устало закрыла глаза.

– Только не ты.

– Что?

– Лера весь вечер говорила то же самое.

– Значит, Лера умная.

– Андрей.

– Свет.

Он поставил чашку.

– Ты слишком доверяешь людям, которые красиво улыбаются.

– Она всего лишь дочь моей подруги.

– И что?

– И ей двадцать три.

– И что?

– А Вите сорок пять. Он ей в отцы годится.

Андрей посмотрел на меня так, будто я сказала редкую глупость, но он меня всё равно уважает.

– Мужики после сорока особенно любят доказывать себе, что им всё ещё тридцать.

– Ты сейчас про Витю?

– Я сейчас про всех мужиков.

– Себя тоже описываешь?

– Конечно.

– И что ты себе доказываешь?

Он усмехнулся.

– Что умею держать язык за зубами.

– Не очень получается.

– Потому что ты мне не чужая.

Слова повисли между нами.

Ничего такого. Просто фраза старого друга. Но вдруг на кухне стало тише.

Я отвернулась к раковине.

– Ты драматизируешь.

– Надеюсь.

– Правда?

– Нет.

Я обернулась.

Он смотрел прямо. Без улыбки.

– Будь внимательнее, Свет.

– К Алисе?

– К мужу.

Мне стало неприятно. Почти обидно.

– Андрей, ты переходишь границу.

Он поднялся.

Спокойно. Без раздражения.

– Возможно. Но если я прав, лучше ты обидишься на меня сегодня, чем будешь собирать себя по кускам завтра.

– Витя не такой.

– Все не такие. Поначалу.

Я не ответила.

Андрей поговорил о чём-то с Витей и ушёл.

Неожиданно я почувствовала злость. На Леру, на Андрея, на их подозрения, на собственное беспокойство, на Алису, которая пришла к нам всего один раз, а уже каким-то образом заняла слишком много места в разговорах.

Поздно вечером, когда Виктор поднялся в спальню, я спросила как можно спокойнее:

– Тебе понравилась Алиса?

Он расстёгивал часы и даже не поднял головы.

– Нормальная девочка.

– Девочка?

– Ну женщина. Молодая. Какая разница?

– Никакой.

Он всё-таки посмотрел на меня.

– Света, что-то случилось?

– Нет.

– Точно?

Я улыбнулась.

– Точно.

Он кивнул и ушёл в ванную.

А я села на край кровати и вдруг подумала: если всё хорошо, почему у меня так неприятно тянет под рёбрами?

Глава 4

После того ужина Алиса каким-то удивительным образом начала появляться в нашей жизни слишком часто.

Сначала я не замечала.

Потом замечала, но не придавала значения.

А потом стало поздно.

Неделя началась спокойно. Виктор пропадал на службе, Валерия готовилась к сессии и периодически сообщала нам, что высшее образование придумали садисты. Я занималась домом, фитнесом и пыталась уговорить себя разобрать гардеробную. Гардеробная сопротивлялась изо всех сил и пока побеждала.

В среду мне позвонила Олеся.

– Свет, ты дома?

– Да.

– Я сейчас к тебе заеду.

– Что случилось?

– Ничего. Просто кофе хочу.

– Тогда приезжай.

Через сорок минут она уже сидела у меня на кухне и рассказывала, как её начальница пыталась похудеть по гороскопу.

– По гороскопу?

– Да.

– И как?

– Оказалось, козерогам нельзя есть после семи.

– А остальным?

– Не знаю. Видимо, жрать можно круглосуточно.

Я рассмеялась. Олеся отхлебнула кофе и как будто между прочим сказала:

– Алиса вчера интервью у Виктора брала.

Я подняла голову.

– Какое интервью?

– Для телеканала.

– А.

И всё.

Только «а».

Потому что ничего странного в этом не было.

Витя генерал. Его часто снимали. Он давал комментарии, выступал на мероприятиях, участвовал в каких-то проектах. Молодая журналистка вполне могла взять у него интервью.

Логично, нормально, ничего необычного.

Только потом Олеся добавила:

– Говорит, твой муж очень интересный мужчина.

Я улыбнулась.

– Ну хоть кто-то это заметил.

– Свет.

– Что?

– Я серьёзно.

– И я серьёзно.

Она посмотрела внимательно, потом покачала головой.

– Ладно.

В тот момент меня её взгляд слегка насторожил, словно она сама не понимала, почему сказала эту фразу, но я быстро выбросила это из головы.

Вечером я спросила Витю про интервью.

Он ужинал, смотрел какие-то документы и выглядел так, будто одновременно руководил армией и мысленно кого-то расстреливал.

– Алиса у тебя интервью брала?

– Да.

– Как прошло?

– Нормально.

Конечно. Нормально. Самое любимое слово моего мужа.

– Она толковая девчонка.

Добавил он через несколько секунд. Я удивилась. Виктор редко кого-то хвалил, особенно молодых журналистов.

Обычно после интервью он говорил что-то вроде: «Не подготовились». Или: «Спрашивали ерунду». Или: «Вообще не понимают тему». А тут вдруг «толковая».

– Понравилась? Как специалист.

Он поднял глаза.

– Что за допрос?

– Любопытство.

– Удовлетворила?

– Пока да.

Витя усмехнулся и снова уткнулся в бумаги.

На этом разговор закончился, но почему-то я вспомнила лицо Валерии после ужина

И слова Андрея.

Не потому что поверила Вите, а просто вспомнила.

В пятницу мы встретились с Олесей в фитнес-клубе. После тренировки я мечтала только о душе и кресле, Олеся мечтала о чизкейке. Каждый боролся за своё счастье.

Мы сидели в кафе, когда туда вошла Алиса.

Высокая, стройная, в светлом костюме. С дорогой сумкой, с идеально уложенными волосами.

Даже после рабочего дня выглядела так, будто её только что снимали для рекламы.

– Дамы, привет!

Она наклонилась и поцеловала мать в щёку, потом улыбнулась мне.

– Светлана Юрьевна.

Я почувствовала себя старухой, когда Алиса обратилась ко мне по отчеству.

– Просто Светлана.

– Хорошо.

Она села рядом, заказала кофе, достала телефон, и почти сразу экран загорелся сообщением.

Я случайно увидела фамилию.

Любимов.

Сердце почему-то неприятно кольнуло. Мгновенно. Без

причины. Без логики.

Я тут же одёрнула себя. Господи. Что за глупости? У неё интервью было. Рабочие вопросы.

Нормально всё. Абсолютно нормально.

Но Алиса заметила мой взгляд и спокойно перевернула телефон экраном вниз.

– Работы много? – спросила я.

– Очень.

– Привыкаешь?

– Да.

Она улыбнулась.

– Мне нравится.

– Телевидение?

– Нет.

Алиса чуть наклонила голову.

– Влиятельные люди.

Странный ответ, очень странный.

Олеся сразу нахмурилась.

– Алиса.

– Что?

– Звучит как охота.

– А разве это не охота?

Она рассмеялась, словно пошутила, но мне почему-то стало неуютно.

Наверное потому, что в каждой шутке есть доля правды.

Вечером Валерия сидела за кухонным столом. Ноутбук,

конспекты, кофе – стандартный набор человека, который проклинает образование.

Я резала овощи для салата, когда она вдруг спросила:

– Мам.

– М?

– Эта Алиса часто папе пишет?

Нож замер в руке. Совсем ненадолго.

– С чего ты взяла?

– Видела.

– Где?

– На экране телефона у папы.

Я повернулась.

– Лера.

– Что?

– Следить за чужими телефонами нехорошо.

– Я не следила.

– Тогда что?

– Он сам положил телефон рядом со мной.

Логично. Виктор действительно мог так сделать.

– Может, по работе?

– Может, – она пожала плечами. – Но мне всё равно она не нравится.

– Господи.

– Что?

– Ты её ненавидишь просто потому, что она красивая.

Валерия посмотрела на меня как на человека, который

внезапно начал разговаривать на древнешумерском.

– Мам.

– Что?

– Ты сейчас серьёзно?

– Да.

– Мне восемнадцать лет.

– И?

– Я учусь среди красивых девушек.

– И?

– Думаешь, я каждую ненавижу?

Я рассмеялась.

– Звучит адекватно.

– Потому что так и есть, – она закрыла ноутбук. – Просто будь внимательнее.

Вот опять. То же самое говорил Андрей. То же самое говорила Валерия.

Даже интонация похожая, словно они видели что-то, чего не видела я, и это начинало раздражать.

Через несколько дней снова приехал Андрей.

Без предупреждения, как обычно, и снова с пакетом яблок. Почему-то он постоянно привозил фрукты, как будто состоял в тайном фруктовом заговоре.

Он сел за стол, и я поставила перед ним чай. Некоторое время мы говорили о всякой ерунде.

Потом Андрей вдруг спросил:

– Алиса часто появляется?

Я замерла.

– Ты тоже?

– Что тоже?

– Андрей, вы с Лерой организовали клуб параноиков?

Он долго молчал, смотрел куда-то в окно. Потом сказал:

– Просто ты мне не безразлична.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Очень странно, очень неожиданно.

– Андрей.

– Что?

– Ты сейчас что сказал?

Он посмотрел прямо, спокойно, уверенно, по-мужски, без смущения, без попытки спрятаться за шуткой.

– Правду.

Я растерялась. Потому что Андрей всегда был рядом.

Всегда.

Слишком давно, чтобы задумываться. Слишком привычно, чтобы анализировать.

Он был частью нашей жизни, друг семьи, крёстный Валерии.

Военный врач, надёжный человек. Как мебель, как стены, как что-то постоянное.

И вдруг оказалось, что он мужчина.

Настоящий, живой, большой, опасно привлекательный.

Я тут же отогнала эту мысль.

– Ты мой друг.

– Знаю.

– И Витин тоже.

– Тоже знаю.

– Тогда зачем всё это?

– Предпочла бы, чтобы я соврал о своих чувствах?

Я ничего не ответила, но после этого разговора стало неловко. Словно я случайно увидела дверь, которая всегда была рядом, но раньше казалась частью стены.

На следующей неделе Виктор задержался. Очень сильно.

Для него это было нехарактерно, обычно он предупреждал. Всегда. Без исключений.

Поэтому в десять вечера я начала волноваться, в половине одиннадцатого позвонила.

Он не ответил, заставив меня волноваться ещё сильнее. В одиннадцать написал: «Совещание».

Коротко, сухо, странно.

Я уже собиралась лечь спать, когда телефон неожиданно зазвонил.

Олеся.

– Свет, ты не спишь?

Голос у неё был какой-то напряжённый.

– Нет ещё. Что случилось?

– Ничего.

– Тогда почему ты говоришь так, будто случилось?

Пауза.

Очень короткая.

– Просто хотела спросить.
– Что?
– Витя дома?
Сердце неприятно кольнуло.
– Нет.
– Понятно.
– А что?
– Ничего.
Слишком быстро.
Слишком фальшиво.
Я нахмурилась.
– Олеся.
– Да?
– Что происходит?
Она тяжело выдохнула.
– Возможно, я накручиваю себя.
– Насчёт чего?
Молчание. Долгое. Нехорошее.
А потом она тихо сказала:
– Мне кажется, Алиса слишком увлеклась твоим мужем.
Я застыла.
По-настоящему.
С телефоном возле уха, с бешено колотящимся сердцем.
Теперь я почувствовала не раздражение, а страх, потому что если даже мать Алисы начала это замечать...
То что, если я действительно одна ничего не вижу?

И в этот момент дверь дома открылась. Вернулся Витя. Я машинально посмотрела на часы.

Без десяти двенадцать.

А потом увидела его лицо, и впервые за двадцать два года брака подумала:

"А где ты был на самом деле, дорогой?"

Глава 5

Витя вошёл в дом почти в полночь.

Не тайком, не виновато, просто вошёл, как входил всегда: ключ в замок, короткий скрип двери, тяжёлые шаги в прихожей. Я стояла на кухне с телефоном в руке, и голос Олеси всё ещё звучал у меня в голове.

«Мне кажется, Алиса слишком увлеклась твоим мужем».

Вот так просто. Без истерики. Без обвинений. Даже почти виновато. Будто это она сделала что-то плохое, сказав мне правду, которую я так старательно не хотела слышать.

– Свет? – донеслось из трубки. – Ты там?

Я смотрела в сторону прихожей. Витя снял пальто, повесил его на вешалку. Двигался спокойно. Даже слишком спокойно для человека, который вернулся домой без десяти двенадцать и весь вечер отвечал жене одной короткой фразой: «Совещание».

– Да, – сказала я. – Я здесь.

– Он приехал?

– Да.

Олеся замолчала. Потом тихо выдохнула:

– Ладно. Не буду мешать.

– Олеся.

– Что?

Я хотела спросить, почему она так сказала? Что именно

заметила? Когда? Насколько давно? Но Витя уже повернул голову в сторону кухни, и я почему-то испугалась, что он услышит.

– Потом поговорим, – сказала я.

– Да. Конечно.

Я сбросила звонок и убрала телефон в карман халата. Не спрятала, просто убрала, но всё равно почувствовала себя так, будто делаю что-то тайное.

Витя вошёл на кухню. Усталый, красивый, с чуть помятой рубашкой и той самой складкой между бровей, которая появлялась у него после тяжёлых дней. Обычно я сразу наливала ему чай, ставила ужин, спрашивала, греть ли суп?

Всё происходило автоматически, как дыхание. Сегодня я стояла у стола и не двигалась.

– Не спишь? – спросил он.

– Как видишь.

– Поздно уже.

– Я заметила.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– Что-то случилось?

Я чуть не рассмеялась. Вот это умение держать мину. Вернуться ночью, не отвечать на звонки, пахнуть чужими духами… Хотя нет. Я резко остановила эту мысль. Никакими духами от него не пахло. Пахло улицей, машиной и им самим. Просто мозг уже начал дорисовывать то, чего я боялась.

– Ты где был? – спросила я.

– Я же написал. Совещание.

– До полуночи?

– Бывает, Свет.

– И телефон был недоступен?

– Я был занят.

Он сказал это без раздражения. Пока. Но я знала своего мужа слишком хорошо. Ещё два вопроса, и в голосе появится металл. Ещё три – и я услышу: «Не начинай». Фраза, которой в нашем доме можно было перекрывать любую трещину.

– Олеся звонила, – сказала я.

Виктор снял часы и положил на стол. Аккуратно. Слишком аккуратно.

– И?

– Спрашивала, дома ли ты.

Он поднял глаза.

– Зачем?

– Не знаю.

– Странный вопрос.

– Тоже так подумала.

Мы смотрели друг на друга через кухонный остров. Между нами стояла тарелка с нетронутыми бутербродами, которые я сделала для него час назад. Хлеб уже подсох по краям. Смешно. Бутерброды выглядели честнее нас обоих.

– Света, – сказал он наконец, – ты хочешь мне что-то сказать?

Я хотела.

Очень.

Хотела спросить, пишет ли ему Алиса? Хотела спросить, почему наша дочь замечает её взгляды, Андрей предостерегает, Олеся замечает, а я всё ещё делаю вид, что вокруг просто много нервных людей? Хотела спросить, почему он стал чаще улыбаться телефону и реже мне? Но вместо этого сказала:

– Нет.

Виктор кивнул. Будто ждал именно этого.

– Тогда я в душ.

Он ушёл. Просто ушёл. А я осталась на кухне и вдруг поняла, что впервые за вечер мне стало не страшно. Мне стало обидно. До злости. До горечи. До желания взять эти подсохшие бутерброды и швырнуть в стену.

Но я не швырнула.

Конечно.

Я же была умной женщиной.

Воспитанной.

Женой генерала.

Я просто выбросила их в мусор.

Утром Витя вёл себя как обычно. Поцеловал меня в щёку, спросил, где его папка, выпил кофе стоя и сказал, что будет поздно. Я посмотрела на него поверх чашки и чуть не спросила: «Опять совещание?» Но промолчала.

Валерия сидела за столом и делала вид, что читает конспект. На самом деле следила за нами обоими.

– Пап, – сказала она вдруг.

– Что?

– Ты сегодня тоже до ночи?

Виктор застегнул часы на запястье.

– Возможно.

– Работа или журналистика?

Он поднял голову.

– Что?

Лера невинно пожала плечами.

– Ну мало ли? Вдруг опять интервью?

– Валерия, – произнёс он тихо.

Вот тем самым голосом.

– Что? Я просто спросила.

– Спрашивай нормально.

– А я нормально спросила.

– Нет.

– Тогда как надо? «Дорогой отец, не соблаговолите ли сообщить, планируете ли вы снова задержаться с девушкой, которая смотрит на вас как на главный приз вечера?»

– Лера! – не выдержала я.

Она замолчала. Но не потому, что испугалась. Просто посмотрела на меня так, будто я опять выбрала не ту сторону.

Витя медленно поставил чашку.

– Я не понимаю, что происходит в этом доме.

– Правда? – буркнула дочь.

– Валерия.

– Я услышала. Раз имя произнёс целиком, значит, следом лекция.

Он сжал челюсть. Я видела, какому хотелось поставить её на место. Но ещё я видела, что он сдержался. Не из мягкости. Просто торопился.

– Я поехал, – сказал он мне.

– Угу.

– Света.

– Что?

– Мы вечером поговорим.

Я посмотрела на него.

– О чём?

Он задержался на секунду. Потом ответил:

– О тоне нашей дочери.

И ушёл.

Дверь закрылась. Я стояла у окна и смотрела, как его машина выезжает со двора. Лера за моей спиной тихо сказала:

– Конечно. О моём тоне. Не о том, что папа мутит с Алисой. Тон – главная проблема семьи.

Я повернулась.

– Не говори так.

– Как?

– Так грубо.

– А как говорить? «У папы, возможно, эмоциональное взаимодействие с дочерью твоей подруги»?

– Лера.

– Мам, ну серьёзно.

Она встала, взяла ноутбук и прижала его к груди, как щит.

– Я не хочу ругаться с тобой. Правда. Но ты так упорно ничего не видишь, что мне хочется орать.

– Я вижу.

– Нет.

– Вижу, Лера.

– Тогда почему ничего не делаешь?

Хороший вопрос. Простой. Жестокий. На такие обычно не отвечают сразу, потому что ответ всегда некрасивый.

Потому что я боялась. Потому что если не задать прямой вопрос, ещё можно жить в доме, где вроде всё на месте. Потому что двадцать два года брака – это не шкаф, который можно открыть, увидеть беспорядок и решить: завтра разберу.

– Потому что пока у меня нет доказательств, – сказала я.

Лера усмехнулась.

– А когда будут?

– Тогда и поговорим.

– Тогда поздно будет разговаривать.

Она ушла к себе. А я осталась одна на кухне и вдруг поняла, что сегодня не пойду на фитнес. Не смогу делать приседания под бодрую музыку, когда в голове крутится только один вопрос: где мой муж был вчера вечером?

Но через час позвонила Олеся.

– Свет, ты сегодня придёшь?

– Нет. Неважно себя чувствую.

– Из-за вчерашнего?

Я закрыла глаза.

– Олеся.

– Прости. Я не должна была так по телефону.

– Что ты заметила подозрительного? – Она не ответила. – Олеся, не молчи, бога ради!

– Алиса стала странной.

– В каком смысле?

– В прямом. Постоянно в телефоне. Наряжается даже за хлебом. И всё время спрашивает про твоего Виктора.

У меня внутри похолодело.

– Что спрашивает?

– Разное. Дома ли он по вечерам? Часто ли ездит на мероприятия? Любит ли он подарки? Какие женщины ему нравятся?

– И что ты отвечала?

– Света, я думала, она просто восхищается. Он же... ну, Виктор. Взрослый, статусный, красивый мужик. Я думала, у неё девичий интерес, ничего серьёзного.

– Девичий интерес?

– Не цепляйся к словам. Мне самой сейчас стрёмно.

Я молчала. Было ощущение, что кто-то медленно открывает окно зимой, и холод заходит в комнату не сразу, а постепенно.

– Она сейчас дома? – спросила я.

– Алиса? Нет. Сказала, на съёмке.

– Где?

– Не знаю. Свет, ты что хочешь сделать?

– Пока ничего.

Олеся выдохнула.

– Мне страшно.

– Мне тоже.

Вот так мы и сказали друг другу правду. Не всю, но достаточно.

Глава 6

После разговора я долго ходила по дому. Зашла в спальню, открыла шкаф Вити. Провела рукой по его рубашкам. Белая. Голубая. Тёмная. Вещи пахли им. Надёжностью. Привычкой. Домом. И это было хуже всего. Потому что дом не должен предавать. Стены не должны врать. Человек, с которым ты прожила половину жизни, не должен становиться загадкой из чужих сообщений и поздних возвращений.

К обеду приехал Андрей.

Как обычно без звонка.

Я открыла дверь и увидела его на пороге: высокий, мрачный, в тёмной куртке, с пакетом яблок. Опять.

– Ты издеваешься? – спросила я.

– Нет.

– Почему яблоки?

– Не знаю. Рука сама к ним тянется.

– Власов, у тебя проблемы.

– У всех сейчас проблемы.

Он вошёл, и мне стало легче. Не хорошо. Просто легче. У Андрея была странная способность занимать пространство так, что в нём становилось безопаснее. Не мягче. Не уютнее. Именно безопаснее. Как будто он мог, если надо, закрыть собой дверной проём и сказать любой беде: «Потом зайдёшь».

– Лера дома? – спросил он.

– В своей комнате.

– Витька?

– На службе.

– Ты как вообще?

– Я? Не знаю... На грани нервного срыва.

Он посмотрел внимательно.

– Уже лучше.

– Что лучше?

– Ты хотя бы называешь вещи своими именами.

Я прошла на кухню. Он – за мной. Поставил пакет на стол, снял куртку, сам достал две чашки. Слишком свободно для гостя, но Андрей давно не был гостем. Он был частью семьи, которую я не замечала, пока другие её части не начали трещать.

– Олеся сказала, что Алиса спрашивала про Витю, – сказала я.

Он не удивился.

– Ясно.

– Тебя вообще что-нибудь удивляет?

– Да.

– Что?

– Что ты до сих пор пытаешься найти объяснение, в котором все хорошие.

Я резко повернулась.

– Не начинай.

– Уже начал.

– Андрей.

– Света.

Он подошёл ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы я почувствовала его присутствие почти физически.

– Я сейчас скажу грубо.

– Конечно. Ты же умеешь.

– Алиса охотится на твоего мужа.

Слова ударили.

Не потому что я их не слышала раньше. Слышала. От Леры, от него, теперь почти от Олеси. Но в этот раз они прозвучали окончательно. Без сомнения.

– А Витя? – спросила я.

– Он не мальчик на поводке. Если пойдёт – значит, сам.

Я отвернулась к окну.

– Я не хочу это слышать.

– Знаю.

– Тогда зачем ты это говоришь?

– Потому что кто-то должен сказать тебе это.

Меня вдруг накрыла злость. Не на Алису, не на Виктора, а на Андрея. Потому что он стоял прямо передо мной, сильный, честный и говорил то, что я не могла вынести.

– Зачем ты вообще в это лезешь?

– Потому что не могу смотреть, как тебя выставляют круглой дурой.

Я вздрогнула.

– Меня никто не делает дурой.

– Делают.

– Андрей.

– И ты сама помогаешь. Потому что тебе страшно признать, что дома не всё так, как ты привыкла думать.

Я вскинула голову.

– Ты перешёл черту!

Мы смотрели друг на друга. И в этот момент я вдруг увидела в нём не друга семьи, не врача, не человека, который привозит яблоки и разговаривает с Лерой, как со взрослой.

Я увидела мужчину. Большого, сильного, упрямого, опасного в своей прямоте.

– Мне пришлось перейти черту, потому что ты плачешь, когда его нет, а он этого даже не видит.

У меня перехватило горло.

– Я не плачу.

– Пока нет.

Вот тут я действительно едва не расплакалась. От злости. От страха. От того, что Андрей видел меня, словно сканировал.

– Уходи, – сказала я.

Он кивнул.

Не обиделся, не стал спорить, просто взял куртку.

– Позвони, если понадобится помощь.

– Не понадобится.

– Врёшь.

– Уходи, Андрей.

Он остановился у двери.

– Хорошо. Но запомни одну вещь. Если всё окажется правдой, ты не виновата.

Я не ответила. Он ушёл.

А я осталась посреди кухни, среди яблок, остывшего чая и собственной разваливающейся уверенности.

Вечером Виктор написал, что задержится. На этот раз даже не «совещание».

Просто:

«Буду поздно».

Я смотрела на сообщение и чувствовала, как внутри что-то становится холодным и ровным.

Не истерика, не паника. Решение.

Я позвала дочь, она спустилась через минуту. Босиком, в широких домашних штанах и с лицом человека, который давно ждал этого момента.

– Наконец-то, – сказала она.

– Не радуйся.

– Я не радуюсь. Я готова.

– К чему?

– К правде.

Я посмотрела на дочь и вдруг поняла, что она сильнее меня. Не потому что не боится. Боится. Но не отворачивается.

– Ты говорила, что у твоего одногруппника кто-то работает в телецентре?

– Да. Отец.

– Можно узнать, есть ли сегодня съёмка у Алисы?

Лера посмотрела на меня очень внимательно.

– Можно.

– Узнай.

Она достала телефон. Писала быстро. Потом ждала. Я стояла рядом и чувствовала, как сердце стучит где-то в горле.

Ответ пришёл через несколько минут.

Лера прочитала.

Лицо у неё изменилось.

– Что? – спросила я.

– У Алисы сегодня нет съёмок. Час назад её видели возле ресторана «Гранат».

Я знала этот ресторан, как и Витя. Мы были там на годовщину пять лет назад. Тогда он почти весь вечер говорил по телефону, а я смотрела на свечу и делала вид, что мне не обидно.

– Мам, – тихо сказала Лера. – Мы же туда не поедем?

– Поедем.

– Нет.

– Лера.

– Мам, тебе будет больно.

– Мне уже больно.

Она хотела спорить. Но посмотрела на меня и передумала.

Через двадцать минут мы сидели в машине. Я за рулём, Валерия рядом. Всю дорогу она молчала, только крепко держала телефон.

У ресторана было много машин. Я остановилась через дорогу. Не знаю, что хотела увидеть. Наверное, ничего. Наверное, хотела приехать, убедиться, что это совпадение, и потом извиниться перед всеми мысленно. Перед Витей, перед собой, даже перед Алисой.

Но через стеклянные окна ресторана я увидела их сразу. Витя сидел спиной вполоборота. Алиса напротив.

В красном платье. Волосы распущены. Она смеялась, наклонившись к нему через стол.

Он смотрел на неё так, как давно не смотрел на меня. Не держал за руку, не целовал, просто смотрел.

Но иногда взгляд хуже поцелуя.

Лера тихо выругалась.

– Мам...

Я не ответила, потому что в этот момент Алиса подняла бокал, что-то сказала, и Витя улыбнулся.

Мой Витя, мой муж, мужчина, с которым я прожила двадцать два года.

Отец моей дочери.

Генерал, который всегда говорил, что презирает ложь, сидел в дорогом ресторане с дочерью моей подруги и улыбался так, будто рядом с ним была не чужая девочка, а счастье.

И вот тогда до меня дошло, что беда уже вошла в наш дом, просто я слишком долго держала для неё дверь открытой.

Глава 7

Витя и Алиса просто ужинали, и от этого почему-то было больнее, чем если бы я застала их в каком-нибудь дешёвом номере с мятыми простынями. Там всё было бы понятно. Грязно, отвратительно, но понятно.

А здесь — дорогой ресторан, мягкий свет, бокалы, белые салфетки, Алиса в красном платье и Виктор, который смотрел на неё живыми глазами, такими, какими давно не смотрел на меня.

Лера сидела рядом и молчала. Это было хуже любых слов. Обычно моя дочь умела комментировать даже падение вилки со стола, а тут просто вцепилась пальцами в телефон и смотрела через лобовое стекло так, будто внутри ресторана ей показывали не отца, а похороны чего-то важного.

– Мам, – сказала она наконец тихо. – Поехали домой. – Я не ответила. – Мам, пожалуйста.

– Подожди.

– Чего? Пока он её засосёт? Чтобы уже наверняка?

Я вздрогнула. Не от грубости. От точности.

– Лера.

– Что? Ты же опять потом скажешь, что они просто ужинали. Что это работа, журналистика, что она всего лишь дочь Олеси, что папа не такой.

Я повернула к ней голову. В темноте лицо дочери казалось

совсем белым.

– Я больше так не скажу.

Она сжала губы и отвернулась к окну.

А внутри ресторана Алиса снова наклонилась ближе к Вите и что-то сказала. Он усмехнулся, потом покачал головой, будто она его отругала, а ему приятно. Я знала это движение, знала слишком хорошо. Когда-то он так реагировал на мои шутки. В первые годы брака, когда у нас не было денег, зато была какая-то глупая уверенность, что мы всё выдержим.

Оказалось, выдержали не всё.

– Я зайду, – сказала я.

Лера резко повернулась.

– Нет.

– Почему?

– Потому что ты сейчас зайдёшь, он сделает лицо генерала, она сделает лицо святой девочки, а ты потом ещё будешь сомневаться.

– Не буду.

– Будешь.

Меня разозлило, что Лера права.

Я положила ладонь на ручку двери, но не открыла. Сидела и смотрела, как мой муж ужинает с женщиной, которую я сама пригласила в наш дом. Которой улыбалась, которую называла умной, которой сказала: «Проходи как своя».

Как своя.

Господи, какая я была дура!

– Сфотографируй, – сказала я.

Лера моргнула.

– Что?

– Сфотографируй их.

– Мам…

– Сделай чертово фото!

Она посмотрела на меня так, будто я попросила её ударить себя по лицу. Потом всё-таки подняла телефон и сделала несколько снимков. Руки у неё дрожали. Я видела. И за это мне захотелось ненавидеть Витю сильнее, чем за сам ресторан.

Потому что он делал больно не только мне.

Мы уехали через пять минут, не дождавшись, пока они выйдут, не выяснив ничего до конца. Я просто поняла, что если останусь ещё ненадолго, то точно войду в ресторан и устрою сцену, после которой завтра весь город будет обсуждать не Алису, не Витю, а меня. Жену генерала, которая не смогла держать лицо.

А я слишком долго держала лицо, чтобы разбить его об чужую улыбку.

Дома я первым делом сняла туфли. Просто скинула в прихожей. Одна упала на бок, вторая укатилась под банкетку. Обычно я бы подняла. Поставила ровно. Я всегда всё ставила ровно. Сегодня не стала.

– Мам, чай? – спросила Лера.

Я посмотрела на неё.

Мой ребёнок предлагал мне чай после того, как увидел отца с любовницей.

От этой мысли мне стало совсем плохо.

– Не надо.

– Тогда я буду рядом.

– Лер…

– Нет. Не выгоняй меня.

Она стояла напротив, упрямая, бледная, взрослая до невозможности.

– Я не маленькая, – сказала она. – И я тоже это видела.

Я села на нижнюю ступеньку лестницы. Просто потому что ноги вдруг перестали держать.

– Я знаю.

Лера опустилась рядом.

Несколько минут мы молчали. Дом был тихим, красивым, большим. Всё в нём оставалось на своих местах. Фотографии на стене. Цветы в вазе. Ключи Виктора на маленьком серебряном блюдце. Мой любимый плед на кресле. И это было почти невыносимо. Вещи не понимали, что семья только что треснула.

– Ты будешь с ним говорить? – спросила дочь.

– Да.

– Когда?

– Когда вернётся.

– А если не вернётся?

Я закрыла глаза.

– Вернётся.

Я знала Виктора. Он вернётся. Он всегда возвращался домой. Просто теперь я уже не была уверена, что дом для него означал то же самое, что для меня.

Он приехал в половине первого.

Я услышала машину ещё до того, как она остановилась у дома. Лера сразу напряглась. Я тоже. Забавно: звук его машины раньше означал спокойствие. Муж дома. Всё на месте. Теперь этот же звук разрезал нервы.

– Иди к себе, – сказала я дочери.

– Нет.

– Лера!

– Нет, мам. Я хочу всё слышать.

– Я не хочу, чтобы ты это слышала.

Она посмотрела на меня и вдруг кивнула.

– Хорошо. Но я буду наверху. Если что – зови.

Если что? Как будто отец мог стать опасностью.

Хотя, наверное, уже стал.

Виктор вошёл в дом спокойно. Снял пальто. Повесил на место. Увидел мои туфли на полу, и взгляд у него на секунду изменился. Он понял, что что-то не так. Такие мелочи он замечал всегда. Не заметил Алису, вползающую в нашу жизнь, но туфли жены в прихожей заметил сразу.

– Не спишь? – спросил он.

– Нет.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– Что случилось?

Я даже усмехнулась.

– Хороший вопрос.

– Света?

– Где ты был?

Он помолчал. Совсем немного.

– На встрече.

– С кем?

– По работе.

– В «Гранате»?

Виктор застыл. Не сильно. Не театрально. Но я увидела. После двадцати двух лет брака женщина знает мужа не хуже, чем врач кардиограмму. Один сбой – и всё понятно.

– Ты следила за мной? – спросил он.

Вот так. Не «да, я был там». Не «прости». Не «я объясню».

А сразу нападение.

– Отвечай на вопрос.

Он снял часы и положил на тумбу.

– Я встречался с Алисой.

Голос ровный, почти скучающий тон. Мне вдруг захотелось ударить его. Не сильно. Просто чтобы этот ровный голос наконец сорвался.

– С дочерью Олеси?

– Да.

– В ресторане?

– Да.

– В красном платье, с бокалами и твоей улыбкой, которую я сто лет не видела.

Он отвёл взгляд, и это было хуже признания.

– Света, это не то, что ты думаешь.

Я рассмеялась. Тихо. Нехорошо.

– Господи, Витя, эту фразу вообще кто-нибудь произносил невиновным?

Он устало потёр переносицу.

– Я не хочу разговаривать в таком тоне.

– А в каком тоне жена должна спрашивать мужа, почему он ночью ужинает с девицей, которую она сама пустила в дом?

– Не называй её девицей.

Вот тут внутри меня что-то щёлкнуло. Не громко, но окончательно.

Я подошла ближе. Он стоял у зеркала. Большой, красивый, сильный. Мой муж. Мужчина, ради которого я столько лет сглаживала углы, терпела командировки, одиночество, его вечное «потом». И вдруг я увидела не генерала. Не опору. А человека, который защищает любовницу от слова «девочка», пока жена стоит перед ним с разбитым сердцем.

– Сколько? – спросила я.

– Что?

– Сколько времени ты с ней встречаешься? – Он молчал. – Витя, не смей сейчас делать вид, что не понимаешь.

Он посмотрел на лестницу.

– Лера дома?

– Конечно. Где ей быть ночью?

– Она слышит?

– Возможно.

– Тогда не надо.

– Что не надо?

– Устраивать это при ней.

Я посмотрела на него, и мне стало почти смешно.

– Ты с ней трахаешься? – спросила я.

Виктя закрыл глаза. Ответ был не нужен, но я всё равно ждала.

Наверное, женщина всегда ждёт последнюю милость. Даже когда всё понятно. Чтобы мужчина хотя бы сказал правду.

– Да, – произнёс он.

Одно короткое слово.

И всё.

Моя жизнь до него закончилась.

Я стояла в прихожей и вдруг заметила нелепую вещь: у Вити на воротнике тёмной рубашки была маленькая светлая нитка. Раньше я бы подошла, сняла. Автоматически. Заботливо. Сейчас смотрела на эту нитку и думала, что она, наверное, единственная честная вещь на нём.

Сверху раздался тихий звук.

Я подняла голову.

На лестнице стояла Лера.

Бледная.

С телефоном в руке.

– Лера, – сказал Витя

Она посмотрела на него так, что даже мне стало холодно.

– Не надо.

– Дочка…

– Не называй меня так.

Витя вздрогнул. Первый раз за весь разговор по-настоящему.

– Это между мной и мамой.

Лера спустилась на одну ступеньку ниже.

– Нет. Ты сам сделал это между всеми нами.

Он молчал.

– Ты спал с Алисой? – спросила она.

– Валерия.

– Я спросила.

– Не надо.

– Ответь!

Её голос сорвался. И вот это меня добило. Не его признание. Не ресторан. Не Алиса. А то, что моя дочь стояла на лестнице в домашней футболке, с дрожащими губами, и требовала у отца правду, которую он был должен сказать мне.

Витя опустил голову.

– Да.

Лера кивнула.

Медленно.

Будто ставила внутри галочку.

– Понятно.

Она развернулась и пошла наверх.

– Лера! – позвал он.

Она не остановилась.

Дверь её комнаты закрылась не хлопком. Тихо. Аккуратно. И от этого стало ещё хуже.

Я посмотрела на Витю.

– Уходи.

Он поднял голову.

– Что?

– Уходи из дома.

– Света!

– Сейчас же!

– Мы не будем принимать решения в таком состоянии.

– Мы? – Я усмехнулась. – Нет, Витя. Мы давно ничего не принимаем. Ты принимаешь, а я узнаю.

Он сжал челюсть.

– Это мой дом.

– И мой.

– Светлана!

– Не дави на меня своим голосом. Сегодня это не сработает.

Он сделал шаг ко мне, но я отступила. Не потому что испугалась. Потому что не хотела, чтобы он подходил.

– Я запутался, – сказал он.

Я смотрела на него и не верила.

– Ты серьёзно?

– Да.

– Запутался – это когда в торговом центре не туда свернул. А ты несколько раз трахнул дочь моей подруги.

Он поморщился.

– Не говори так.

– Почему? Некрасиво звучит?

– Ты специально делаешь больнее.

– Нет. Я просто называю вещи своими именами.

– Я не хотел тебя потерять.

Эти слова должны были что-то во мне задеть. Наверное, раньше задели бы.

А сейчас я услышала совсем другое.

Не «люблю».

Не «прости».

Не «ты мне нужна».

А «не хотел потерять».

Как дом, как удобную жизнь, как чистые рубашки в шкафу, как женщину, которая знает, когда лучше молчать.

– Ты не хотел потерять меня, – сказала я тихо. – Но хотел поиметь её.

Он отвёл взгляд.

Вот и всё.

Я открыла дверь.

– Уходи.

– Куда?

И этот вопрос, такой растерянный, почти бытовой, окончательно добил остатки моей жалости.

– К Алисе. Ты же ради неё готов был рисковать семьёй. Проверь, готов ли ты ради неё ночевать не дома.

Он смотрел на меня долго, потом молча взял пальто.

Не стал спорить, не стал просит, не стал падать на колени.

Витя вообще не был человеком коленей.

Он ушёл так, как уходил на службу: ровно, тяжело, с прямой спиной.

Дверь за ним закрылась, и только тогда я позволила себе опуститься на пол.

Прямо в прихожей рядом с собственной туфлей, которая всё ещё лежала на боку.

Смешно.

У женщины рушится брак, а она смотрит на туфлю и думает: надо бы убрать, некрасиво.

Я не заплакала.

Слёз не было.

Наверное, они застряли где-то глубже.

Через минуту на лестнице появилась Лера. Села рядом со мной на пол.

– Он ушёл?

– Да.

– Хорошо.

Она положила голову мне на плечо.

Мы сидели в темноте прихожей, две женщины, которых

предал один мужчина. Мать и дочь. Взрослая и почти взрослая. Обе не готовые к тому, что теперь будет.

– Мам, – сказала Лера.

– Что?

– Ты с ним разведёшься?

Я закрыла глаза.

– Не знаю.

Она резко подняла голову.

– Мам.

– Лера, я правда не знаю.

– После этого?

– Я прожила с ним двадцать два года.

– А он спал с Алисой.

– Я знаю.

– Он выбрал не нас.

– Знаю.

– Тогда что тут думать?

Я посмотрела на дочь.

И впервые увидела не ребёнка, который злится на отца, а женщину, которая смотрит на мать и боится, что та опять выберет терпение вместо себя.

– Я подумаю быстро, – сказала я.

Лера ничего не ответила, просто обняла меня крепче.

Телефон завибрировал в кармане халата, я достала его.

Андрей.

Сообщение было коротким:

«Ты не спишь?»

Я смотрела на экран, потом написала:

«Не сплю».

Ответ пришёл почти сразу.

«Он признался?»

Я замерла. Лера тоже увидела.

– Откуда он знает?

Я не знала, и почему-то от этого стало ещё холоднее.

Следом пришло второе сообщение.

«Я сейчас приеду».

Я не успела ответить, потому что телефон завибрировал снова.

Теперь неизвестный номер.

На экране высветилась фотография. Витя и Алиса. В машине.

Его рука на её шее, её губы у его губ.

А под фотографией было написано:

«Светлана Юрьевна, пора уступить место молодой. Вы ведь умная женщина».

Я перечитала.

Один раз.

Второй.

Третий.

И вдруг поняла: это не просто измена.

Алиса не собиралась прятаться.

Она объявила войну.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.